

ЛЮБОВЬ: К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЯВЛЕНИЯ

Н. А. НЕКРАСОВА¹
К. Ю. ТАРНОВСКИЙ

*Московский
государственный
университет путей
сообщения (МИИТ)*

¹ e-mail: sinekrasov@mail.ru

Статья рассматривает любовь как философскую категорию. Любовь является основой нравственности и в первом своем проявлении базируется на чувстве общности, которое свойственно человеку в силу его биологических и социальных особенностей. Но лишь духовное совершенствование открывает качественно иную грань любви, превращая ее в сознательную силу, обуславливая такое ее свойство как выход за пределы «Я». Основной вывод статьи: любовь нельзя рассматривать в отрыве от сущности человека, в которой биопсихический аспект неотделим от социального и духовного аспектов.

Ключевые слова: благо, духовность, любовь, психофизическое, сознательная сила, сущность, человек, явление,

Рассмотрение любви является непростой задачей для философии. С одной стороны, ее априорность, ее постоянное наличие в мире делают само слово «любовь» распространенным в обыденной жизни, употребляемым подчас без должной определенности в вопросе о том, что же вкладывается в это понятие. С другой стороны, такой неопределенности способствует размытость понятия любви, ее мистичность, всеохватность, трансцендентальность. Вопрос любви для философии нередко был не менее сложным, чем вопрос Бога, с той разницей, что в силу отсутствия у любви религиозной силы сама она реже становилась предметом анализа. В.С. Соловьев выказывал даже некоторое удивление тем, что Платон взялся за рассмотрение данного вопроса¹. Тем не менее, актуальность проблематики не может считаться исчерпанной; напротив, в современном обществе с не меньшей силой, чем раньше, человек ставит перед собой следующие вопросы: что же такое любовь? Начинается ли она там, где кончается эгоизм? В чем сущность явления? Способно ли оно выжить в современном мире? В широком смысле любовь нередко понимается как некая доброжелательность людей по отношению друг к другу, тот самый нравственный закон, выраженный Кантом в его категорическом императиве. С одной стороны, человек в современном обществе получил мгновенный доступ к бытию Другого: тому способствует множество коммуникаций, социальных сетей и т.д. С другой стороны, интерактивность общения, простота, с которой оказывается возможным войти в бытие Другого, создают лишь видимость доброжелательности и ставят под сомнение вопрос о том, становятся ли люди ближе друг к другу. Тезис «вовлеченности в общение» (в частности, интерактивное) сменяется у многих апатией, желанием уединения, сокрытия от мира и от прогресса, пассивностью, отвержением общепринятых ценностей. В этой обстановке еще более важным становится вопрос о том, в чем состоит основа человеческой любви и для чего она сама может стать основой, как она связана с природой человека, как сущность биопсихического, духовного, социального? Вопрос о сущности явления любви становится предметом настоящей статьи.

В исследовательской литературе не раз отмечалось, что рассмотрение вопроса любви таит в себе опасность редукции, сведения любви как цельного явления к тем или иным ее составляющим². Потому следует предложить следующую посылку, из которой мы считаем необходимым исходить. Ее суть такова: необходимо разделить любовь-эрос и ту доброжелательность, которая не содержит эротического аспекта или в которой он

¹ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Русский эрос, или философия любви в России. М., 1991. С. 78

² Зубец О.П. Мораль в зеркале любви // Размышления о любви. (Любовь как нравственное явление). М., 1991. С. 5

является лишь одним из многих аспектов. На необходимости различения этих явлений настаивал еще И. Кант, утверждая, что любовь есть дело ощущения, а не воления, и человек любит не потому, что он хочет или должен любить, а следовательно, долг любить – бессмыслица. Любовь, иными словами, выступает как сила, находящаяся не только в сознательном мире человека, но и в подсознании, в психике. Благоволение же (*amor benevolentiae*) может быть подчинено закону долга. Однако, как замечает Кант, бескорыстное благоволение к человеку также нередко называют любовью. Следовательно, первая категория, то есть любовь-эрос, может быть выделена как первый смысл значения слова «любовь». Ко второй категории относится то, что мы включаем в понятия доброжелательности как «любви к ближнему», долга, инстинкта, доброжелательности как нравственного закона. Необходимо разделять эти значения и о каждом из них говорить отдельно; несмотря на это необходимо выдвинуть гипотезу, что между ними есть связь. Но в случае неразделения этих явлений мы будем путаемся в антиномиях.

Филия – доброжелательность – долг – высшая категория любви из возможных для утверждения (но не для познания). Она не объяснима, так же как Бог у Николая Кузанца – мы не можем познать то, что само по себе превышает возможности нашего разума. Гипотеза состоит в том, что любовь-эрос также имеет своей целью филию, но не всегда воплощается в нее (если нет гармонии в человеке, в объекте любви). Любовь-филия чиста, эрос же выступает как некое препятствие, «бич божий», который любовь-филия (ничего не требующая взамен) должна преодолеть. Слово преодолеть в данном случае условно, так как нельзя и невозможно «преодолеть» физиологическое. Однако при совпадении определенных условий любовь-эрос может достигнуть этой второй стадии, филии, или «милости» (*caritas*), как называл ее Августин, или «нравственного закона», как говорил о нем Кант. Если же этого не происходит, то любовь-эрос остаётся лишь влюбленностью. Дружеская любовь, любовь-инстинкт (материнская) и близка к ней любовь-долг – по сути своей нравственны (ибо эрос вполне может быть безнравственным, как и политика – недаром любовь-эрос часто развивается вопреки чему-либо, недаром она может идти к своему осуществлению через трупы и через разрушения; но в таком случае она никогда не станет филией). Филия изначально нравственна, т.к. в ней нет физиологического инстинкта обладания, эрос не ярко выражен в ней. Его отсутствие снимает проблему «достижения» объекта, по крайней мере, нивелирует ее. Психические отклонения в этом смысле, возможно, имеют место, но являются вопросом отдельного, и не философского исследования.

Итак, любовь-эрос может развиваться сама по себе и пройти, закончиться вследствие разных причин. Первая из них – несовершенство любящих (отсутствия гармонии с самими собою), их эгоизм. Вторая причина (связанная с первой) – преобладание сексуального желания во влюбленности, и отступление любви-эроса перед житейскими, духовными трудностями («любовная лодка разбилась о быт»). Но, с другой стороны, любовь-эрос может вылиться в филию, любовь саму по себе. Более того, эрос всегда является такой основой. В любви-самой-по-себе эротический аспект растворяется в духовном, но не исчезает.

Кант говорит о необходимости любви как морального закона. Гегель справедливо утверждает, что нельзя любить «всех», т.е. незнакомых людей. Речь здесь может идти лишь о доброжелательности. С одной стороны, такая доброжелательность является необходимым условием нормальной социализации человека, она проявляется в нем в связи с тем, что он должен решать проблему реализации себя в обществе. С другой стороны, на почве доброжелательности рождается любовь, в том числе любовь-эрос – об этом пишет А. Адлер, выделяя три жизненно важных вопроса, которые должен решить человек: вопрос социализации, профессиональный вопрос и любовный вопрос. Решение последнего невозможно без социализации как таковой, и человек, не сумевший социализироваться, «едва ли будет способен решить эротический вопрос»³. Кроме того, как пишет Р.Г. Апресян, рассматривая аристотелевскую «филию», человек должен находиться, прежде всего,

³ Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. С. 173

в гармонии с самим собой для того, чтобы привязанность состоялась⁴. Гармония эта не может родиться без доброжелательности. И в этом смысле любовь подразумевает эгоизм (если только это правильное слово в данном случае), как равнодушие к себе. Ибо человек, равнодушный к себе, не может быть равнодушным к другим.

Б.Н. Тарасов, исследуя понимание любви в произведениях Достоевского, предлагает противопоставление «закона Я» «закону любви», однако, как нам кажется, закон любви – это часть закона Я, которому другая часть, возможно, противостоит, но в любом случае, они вместе составляют Я человека. Любовь, однако, являясь частью Я, никогда не может проявиться без посредства Другого; по сути, она открывает дверь в бытие другого, является связующим звеном между человеком и другими людьми. Создавая новую сетку ценностей для конкретного человека, любовь даже в своей абстрактности конкретна: нельзя говорить о любви «к чему-то», скорее, любовь выступает атрибутом человека; при этом для проявления этого атрибута необходимо появление Другого, нахождение человека в социуме. Именно поэтому А. Адлер заявляет о том, что индивид, который не смог социализироваться, вряд ли решил и свой любовный вопрос. Потому бессмысленными можно считать призывы к любви как таковой: нельзя привести в действие систему, если не работают те или иные ее компоненты (социальные, личностные); в данном случае, кроме того, следует принимать во внимание, что любовь является *natura naturans* для человека, она стоит выше простых моральных установок, которые в некотором смысле являются ее частями. Добро, справедливость, гуманность – все упомянутые вещи являются возможными к воспитанию. Однако любовь не есть простое соединение тех или иных частей, для ее проявления необходима некая духовность, которая даёт ей силу быть сознательной, не отрицая психическое в себе, выполнять моральные установки, не признавая их высшей ценностью.

Как сущность человека не схватывается ни одним из специфических человеческих свойств (разум, способность к коммуникации, воображению, труду и т.д.), так и любовь не сводится к какой-либо одной характеризующей ее черте, атрибуту. Стремление приблизиться к сущностному пониманию феномена любви является основой для углубления понимания сущности человеческого существа: человек – обитатель двух миров (духовного и земного, он – микрокосм и макрокосм одновременно (Н. Бердяев). Его существо пронизано духом противоречивости, экзистенциальной дихотомии несовпадения земного воплощения и духовного устремления к миру абсолютного. Феномен любви отчетливо обостренно фиксирует эту раздвоенность, демонстрируя ее в каждом индивидуальном бытии. Именно поэтому мы считаем, что всякая теория любви должна начинаться с теории человека. Специфика подлинного чувства любви – в его потенциальных и актуальных возможностях в проявлении сущности человеческого существования, устремленной к абсолютному, высшему началу.

Любовь, являясь подлинным феноменом человеческого бытия, дает возможность иного – человеческого способа существования, возможность полноценного пребывания в мире и его совершенствования. Прежде всего это проявляется в новом типе взаимоотношений – любовном, основанном на новом способе единения с миром другого бытия, отличного от «Я». Подлинность единения достигается именно в подлинности любовных отношений, возможности иного модуса существования – бытия с Другим через единение, достижение «сращенности» бытия в Мы-бытии, проникновение в мир Другого и тем самым – к собственной самости, возможность понимания, сочувствия, со-присутствия другому бытию.

Итак, доброжелательность, изначальная социальность выступает как тезис в вопросе любви. Что же является антитезисом? Как ни странно, им является любовь-эрос, т.к. она, в сущности, отвергает социум. Сама потребность влюбленных в уединении для реализации полового акта может служить своеобразным подтверждением этого факта. Любовь-страсть, эротическая любовь, пока еще НЕ переросшая в синтез – т.е. в филию – не хочет делить «объект» с миром. Как мы уже предположили, эта стадия может перерасти в филию, а может так и остаться на уровне страсти единственно эротического характера. Филия выступает синтезом двух вещей: изначальной социализации человека и эроса.

⁴ Апресян Р.Г. Золотое правило в этике Аристотеля // Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика А.А. Гусейнова. М., 2009. С. 166

Почти всякая попытка определить и объяснить любовь-эрос наталкивается на серьезную сложность: будучи трансцендентальной, любовь эротическая не является результатом тех или иных логических, мысленных, психических построений личности, но, наоборот, предписывает эти построения, создавая особую реальность, с которой личность вынуждена считаться. Эта реальность порождает то, что не раз определялось как «несвобода» в любви⁵. Любовь становится моральным законом, при том, что сама она отнюдь не всегда моральна – степень моральности зависит от тех или иных установок личности, от ситуации, от социальных условий. О.В. Зубец отмечает, что любовь, в сущности, может быть разрушительной силой, так как она «выше всех наиболее значимых, самых высоких ценностей, в том числе и моральных. Отношение любви выступает как первичное по отношению к ценностному сознанию человека...потому что лишает ценностные ориентиры статуса абсолютности, делает их относительными»⁶. С одной стороны, в данной фразе нет противоречия; с другой стороны, позволим себе не согласиться с высказыванием исследователя. Действительно, любовь даёт новые ценности, преобразует систему ценностей человека, она – сама-для-себя-ценность. Однако, если эта сила является разрушительной, то может ли она быть названа любовью? Не является ли она в таком случае лишь психической, бессознательной страстью? Эта страсть, как справедливо замечает исследователь, быстро «умирает, или умирает любящий». Но можно ли то же самое сказать о любви? Было сказано, что любовь изменяет внутренний мир человека, но в таком случае можно ли сказать, что она «умирает»? Выразимся иначе: она переносится на другой субъект, она, в конце концов, переносится на само бытие; об этом говорил В.С. Соловьев, замечая, что может изменяться сам объект любви, но любовь в любом случае будет касаться не столько объекта, сколько субъекта и бытия в целом. Любовь, значит, является неким свойством сознания; страсть, о которой говорит Зубец, может дать толчок любви, но не будучи сознательной, она не может превратиться в любовь. Повторим за В.С. Соловьевым, что любовь – глубоко сознательная сила, или должна стать таковой.

Противоречие, которое не отмечалось Соловьёвым, заложено в свойствах человека как противоречивого существа: психическая часть его сущности может находиться в сильном противоречии с сознательной его частью; в этом, по сути, и состоит перефразированный «основной вопрос философии» – что первично в человеке, психика или сознание? Несомненным представляется ответ, что психика первична, но именно в борьбе психического и сознательного и сконцентрирована сущность человеческой природы. Любовь не может избежать рамок психического и сознательного; она вновь оказывается меж двух огней, первый из которых, сознательное, содержит в себе «нравственный закон» и заставляет двигаться вперед, в направлении Другого и в направлении, противоположном чистому эгоизму, в то время как второй – психическое, направлен на самосохранение, на сохранение своего Я и преувеличение себя в мире.

Таким образом, противоречие духовного и телесного не есть признак лишь эротической стороны любви; оно – часть более глубинного противоречия человека, на котором и строится его сущность, противоречия между сознательным и психическим. Школа Фрейда склонна редуцировать сознательное и увеличивать место бессознательного; неофрейдизм добавляет к ним «коллективное бессознательное» и социальное. Русская философия обнаруживает стремление к идеализации сердца, т.е. некоего сверхразумного закона, на котором базируется человеческая любовь – в нашем понимании, «сердце» в данном случае является гибридом сознательного и бессознательного, это – то чутьё, которое отличает русского человека. Однако во многих случаях это чутьё может породить выбор между сознательным и бессознательным, выбор, в котором человек оказывается заложником собственной двуединой природы (на самом деле, приставка «дву» весьма условна, ибо могут быть выделены и другие компоненты). Метания «загадочной русской души» – это, по сути, и есть метания между законом и справедливостью, между разумом и чувством, между божественным и животным. С одной стороны, любовь, и здесь Соловьёв прав, помогает возвыситься до божественного. Но, с другой стороны, в ней все равно остаётся часть «животного», ибо животное присуще самой человеческой природе, любовь

⁵ Зубец О.П. Указ. соч. С. 5

⁶ Там же. С. 7.

же, изменяя духовный мир человека, не изменяет его психических предустановок, предустановок, о которых он сам может даже не догадываться. Следовательно, возвышение до божественного всегда будет происходить по схеме «шаг вперед – два шага назад», т.е. животная, психическая часть природы человека не сможет не противостоять духовной.

Возможна ли гармония? Она возможна только в случае признания самим человеком своей двойственной природы. В данном случае серьезную роль должны играть установки общества, семьи, воспитания. Возвышение до божественного всегда подразумевает отвержение телесной природы, плотского естества человека; это, в свою очередь, чревато нарушениями в психике, вследствие которых человек перестает быть, собственно, человеком в полном смысле этого слова – он утрачивает свою двойственную природу, поставив себя на службу той или иной стороне своего естества. Совершенствование не раз признавалось смыслом жизни. Однако оно возможно лишь в «борьбе противоположностей», которыми в данном случае являются сознательная сторона человека и его психическая сторона.

Любовь рассматривается в некоторых исследовательских работах как цель человеческого существования⁷, однако как философская категория она предстаёт скорее как средство, с помощью которого уравниваются две части человеческой сущности – духовное (сознательное) и телесное (психическое). Именно потому, что она выступает в виде примиряющего средства, она является всегда благом и несет в себе лишь благо; не выдерживают критики мнения о том, что любовь может быть разрушительной. Разрушительной является страсть, как одна из составляющих любви эротической, но сама любовь – благо.

Любовь – всеобъемлющая ценность, которая является основой других ценностей, таких как истина, добро, красота, она подразумевает «синтез духовных добродетелей»⁸. Такое мнение укрепилось в исследовательской литературе и кажется вполне оправданным. Но можно выделить несколько проявлений любви. Первое ее проявление – чувство общности, желание человека находиться с Другим, неотъемлемое от его животной природы и усиливаемое человеческой сущностью индивида. Именно это «чувство общности» (А. Адлер) толкает человека на соединение с Другим. Одной из составляющих этого чувства общности, несомненно, является эротическое вожделение, предписанное человеку как биопсихический закон. В соединении с другим реализуются красота, добро, самопожертвование, милосердие. В конечном счете на этой ценностной базе возникает любовь во втором своем проявлении – как выход за пределы самого себя, отказ и отход от эгоизма, эмпатия.

Возникает вопрос о том, возможен ли полный отход от эгоизма, и если да, то каким образом любовь осуществляет его? В мире существует зло, и эгоизм может быть назван частью зла. Однако зло необходимо, так как добро «закаляется» в борьбе со злом. В любви эгоизм постоянно борется с самопожертвованием, но никогда не исчезает окончательно, т.к. полное исчезновение эгоизма означало бы исключение самого себя из сферы любви. Полюбить же другого, при этом презирая самого себя, не представляется возможным. Поэтому сущность любви глубоко диалектична.

С одной стороны, любовь всегда духовна и жертвенна. Жертва духом – высшая человеческая жертва, которая являет собой и высшую любовь. Когда человек способен забывать себя и своё, отдать свою половину бескорыстно другому, тогда он в состоянии приблизиться к духовному. Только в любви жизнь человека наполняется глубоким смыслом, который толкает его на дальнейшее совершенствование, делает его жизненно необходимым, даёт силы жить. Принцип жертвенности зародился в момент становления самого человека, ибо он вытекает из двойственного положения человека в мире. Человек обретает свою ценность, только выйдя за свои пределы, за границы этого мира, в сферу духовной запредельности. Жертвоприношение – это символ такого выхода. Поэтому духовный архетип человечества проявляется именно в любви, ибо в ней одна половина (отсюда происходит слово «пол» мужской или женский) соединяется с другой своей половиной, обретая целостность. Поэтому человек, постигая смысл жизни, исходит из жертвенной любви к людям, природе, ко всему живому, космосу, всему сущему и сверхсущему. Жертвенная, бескорыстная любовь ведёт к добру, служению другим, но одновременно – и

⁷ См. например, Бреус Т.В. Любовь как вид бытия (диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук). Уфа, 2002

⁸ Некрасова Н.А. Феномен духовности: бытие и ценность. Белгород, 2003. С. 188.

к состраданию. С другой стороны, полное самоотречение являет собой не столько любовь, сколько крайность, патологию. Ю.Б. Рюриков, исследуя связь любви и самоотречения, замечает, что последнее «приводит к обесцениванию людей, к девальвации личности. Ибо если ты живешь только для других, то ты только средство, рычаг для других людей, кариатида, которая держит на себе их тяжесть»⁹. Таким образом, любовь, будучи обращенной на Другого, не отменяет двойственной природы человека: отсюда нередкое стремление эротической любви к уединению, желание влюбленных «уйти от мира», феномен отщипания за разлучение с предметом любви. Любовь, кроме того, не может не объективироваться на мир в целом, а значит и на самого субъекта, как часть этого мира. Человек в этом случае выступает как человек познающий, т.к. способность любить открывает ему доступ к новому знанию, высшей истине, с которыми делается возможным новый этап совершенствования.

Закон духовного совершенствования является одновременно и законом любви: чем больше отдаешь, тем больше приобретаешь, лишь отдавая, приобретаешь. Будда учил: «истинная добродетель не ищет воздаяния». Христос говорил: «дай тому, от кого не возьмешь обратно». Любовь как выражение идеала в отношениях между людьми является ответом человека на потребности самой жизни. Идеал, скрывающийся в любви, приходя в противоречие с реальной жизнью человека, порождает глубинное психическое напряжение, которое и является духовным двигателем: осознав сущность противоречий, человек начинает трудиться над их устранением, чем и достигает своего совершенства, стремясь всё время к идеалу.

Всеобъемлющая любовь, пережитая хоть однажды, может полностью изменить всё человеческое существование, осветить всю его жизнь и придать её вечный смысл. В осознанной любви жизнь обретает не только смысл, но и свободу, так как человек освобождается от себя неполноценного и свободно обретает свою целостность в Другом человеке.

Наконец, любовь есть творчество и она порождает творчество. Их связь несомненна и выражена во многих тысячах памятников искусства и культуры. Так, любовь выступает как «чистый» созидательный акт (подтверждение тому – анализ любви с точки зрения «искусства любви» у Э. Фромма) Плодотворная любовь основывается на творческой установке на жизнь, созидательную деятельность. Она, напротив, отвергает лень и пассивность относительно жизненно важных ценностей; ей свойственны живая заинтересованность проблемами смысла собственного бытия, отсутствие безразличия – прежде всего, к судьбе Я и любимого Ты, – черты, которые, в свою очередь, способствуют развитию способности отдавать, дарить. Они рожают заботу, уважение, знание и ответственность за саму любовь. Именно поэтому любовь – творческий процесс, «дело жизни», способность искусно создать интересную, насыщенную, осмысленно-оправданную жизнь. Владеющий «искусством любви» способен дарить и порождать ответное чувство любви, открывающее бытие новой личности – любимого существа. Любовь определяется не содержанием чувственного опыта, не предметом или объектом любви – интенсивность, достоверность и истинность чувства определяется творческой способностью любить. Любящий человек «выскакивает» из обыденного в сферу абсолюта, «приобщается» к вечности. Посредством любви осуществляется сращение трансцендентного и имманентного начала (имманентное вскрывается через трансцендентное), составляющих желанное двуединство, снимающее проблему смысла индивидуального существования. Любовь есть «прорыв из временного в вечность, переход в то бытийственное состояние, где нет ни смерти, ни апатии, ни уныния, а есть чистая актуальность, постоянное напряжение духа, подлинное творчество»¹⁰.

Завершая сказанное, можно сделать следующие выводы относительно сущности любви.

- любовь есть скрепляющий раствор всех ценностей, в ней они находят полное воплощение; однако свойства любви не равны сумме свойств этих ценностей;
- любовь, при своей индивидуальности и конкретности для индивида, объективирует себя на бытие, на реальный мир; в бытии любящего человека общая правда совпадает

⁹ Рюриков Ю.Б. Любовь: ее настоящее и будущее // Философия любви. М., 1990. Ч.1 С. 298

¹⁰ Губин В.Д. Любовь, творчество и мысль сердца // Философия любви. В 2 тт. М., 1990. Т. 1. С. 233.

ет с правдой единичной по причине установления действенной любовной связи, посредством которой содержание конкретно-сущего бытия находит свое место в бытии общего и целого: всякое содержание оправдано и обосновано тогда, когда определена и установлена его необходимая связь с другим, истинным, несомненным, подлинным содержанием. Любовь являет собой это содержание, которое, объективируя себя на остальной мир, придает ему смысл.

- любовь рождается из «чувства общности» – ее базой является биологическое и социальное влечение людей друг к другу, в частности, эротическое влечение;

- на базе влечений формируется система ценностей индивида, в которой может открыться возможность для любви как сознательной силы, объективирующей себя на само бытие;

- сущность любви глубоко диалектична; являясь благом, она не отменяет двойственной природы человека; любовь подразумевает трансценденцию, выход за свои пределы, но не означает полного самоотречения.

- необходимо рассматривать этот феномен в свете представлений о человеке как сознательном, социопсихическом и биологическом существе, учитывая, что каждая из частей его сущности (психическая, духовная, животная или социальная) влияет на проявление рассматриваемого феномена.

- Любовь как творческий акт – это синтез отношения и деятельности, поэтому феномен любви задает принципиально иную архитектуру отношениям «Я-Ты», дает возможность любящим раскрыться во всей своей онтологической силе и уникальности.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Русский эрос, или философия любви в России. М., «Прогресс», 1991. – 448 с.
2. Зубец О.П. Мораль в зеркале любви // Размышления о любви. (Любовь как нравственное явление). М., «Знание», 1991. – 64 с.
3. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М., «Когито-центр», 2004. – 220 с.
4. Апресян Р.Г. Золотое правило в этике Аристотеля // Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М., «Альфа-М», 2009. – 797 с.
5. Бреус Т.В. Любовь как вид бытия (диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук). Уфа, 2002. – 198 с.
6. Тарасов Б.Н. «Закон Я» и «закон любви» (Нравственная философия Достоевского). М., «Знание», 1991. – 64 с.
7. Некрасова Н.А. Феномен духовности: бытие и ценность. Белгород, Издательство БелГУ, 2002. – 220 с.
8. Рюриков Ю.Б. Любовь: ее настоящее и будущее // Философия любви. В 2 тт. М., Издательство политической литературы, 1990. Т. 1. – 510 с.
9. Губин В. Д. Любовь, творчество и мысль сердца // Философия любви. В 2 тт. М., 1990. Т. 1. – 510 с.

LOVE: TO THE ESSENCE OF THE PHENOMENON

N. A. NEKRASOVA¹⁾
N. S. MOLCHANOVA²⁾

*Moscow state technical
 university of civil aircraft*

*¹⁾ e-mail:
 sinekrasov@mail.ru*

The article shows an effort to consider love as a philosophical category. Love comes as a climax of morality, and in its first manifestation signifies a "sense of community", which characterizes human as a psychophysical and social essence. Spiritual improving discovers a new side of love, making it a conscious power. The main conclusion of the article is that we should not explore a phenomenon of love without understanding a multifaceted nature of human. Its psychophysical essence can not be divided from social and spiritual ones.

Key words: conscious power, good, essence, human, love, phenomenon, psycho-physical, spirituality.